

Сказка Туве Янссон " Филифьонка, которая верила в катастрофы "

Жила–была Филифьонка. Однажды она стала стирать в море свой большой ковер. Она намылила его, потом стала усердно тереть щеткой первую синюю полосу. Набежавшая морская волна прополоскала ковер.

Филифьонка терла ковер и дошла до следующей синей полосы, но солнце напекло ей спину. Тогда она опустила свои тонкие ножки в чистую воду, а сама все терла и терла.

Был тихий и спокойный летний день, как раз такой, какой нужен для стирки ковров. Ленивые, сонные волны помогали полоскать, а вокруг Филифьонковой красной шапочки кружилось несколько жужжащих шмелей. Они приняли ее шапочку за цветок!

"Не притворяйтесь, – мрачно подумала Филифьонка. – Я знаю такие шуточки. Перед стихийным бедствием все кажется спокойным".

Она добралась до последней синей полосы, позволила морской волне прополоскать ковер а потом вытащила его из воды.

Филифьонка постояла, раздумывая: "Почему это погода не портится? Может, из–за моей новой оранжево–красной шапочки? Или из–за приукрашенного отражения света? Конечно, пока я стою на месте, все опасности тоже затаились. Интересно, кому–нибудь будет нужен мой ковер, если стихийные бедствия вырвутся на свободу? Кто–то ведь может и погибнуть..."

Филифьонка расстелила ковер на скале и, забравшись на него, начала его отжимать. Погода оставалась подозрительно отличной.

"Что–нибудь обязательно случится, – твердо знала Филифьонка. – Где–то у горизонта притаилось нечто черное и ужасное... Оно постепенно разрастется, помчится к берегу.. Быстрее и быстрее..."

– Никто не знает, что же там спряталось, – шептала себе под нос Филифьонка.

Ее сердце сильно забилося, спина похолодела. Она все время оборачивалась, словно у нее за спиной притаился враг. Но море сверкало, отражения отплясывали на дне игривые па, и теплый летний ветер нежно ласкал мордочку Филифьонки. Но это отнюдь не доставляло ей удовольствия. Неизвестно почему она ударилась в панику. Трясущимися руками Филифьонка выжала ковер досуха, схватила мыло, щетку и бросилась к своему дому, чтобы поставить чайник на огонь. В пять часов обещала зайти Гафса.

Филифьонка жила в большом, неказистом доме. Кто–то хотел избавиться от старой краски и покрасил дом снаружи в темно–зеленый, а изнутри в коричневый цвета. Филифьонка арендовала этот дом у хемуля, который уверил ее, что ее бабушка жила здесь летом, когда еще была маленькой девочкой. А так как Филифьонка очень гордилась воспоминаниями детства и своими родственниками, то она решила, что переехать в этот дом будет почетно: ведь здесь жила ее бабушка!

В первый же вечер Филифьонка, сидя на ступенях, долго удивлялась своей бабушке. Как странно все же, что филифьонка с ее чувством прекрасного, согласилась жить на мрачном, печальном побережье. Ни сада, в котором можно выращивать сливы "на варенье", ни маленьких деревьев, ни кустов, среди которых можно построить беседку. Совсем ничего!

Филифьонка вечерами тяжело вздыхала и в отчаянии смотрела на зеленое море, окантованное бесконечной каменной рамкой. Зеленая вода, белый песок, сухие красные водоросли. Обстановка предвещала стихийные бедствия. Очень опасное место!

Но потом Филифьонка поняла, что все не так. Она переехала в ужасный дом на ужасном побережье. Здесь жила ее бабушка!

Потом Филифьонка решила написать письма всем знакомым и высказать свое отношение к дому, но передумала. Ведь дом не был ее собственностью. Филифьонка могла поставить себя в дурацкое положение, разослав письма.

Прикрыв дверь, она решила сделать дом хоть изнутри поуютнее. Задача оказалась не из легких. Потолки были такими высокими, что на них всегда скапливались тени. Окна – большие и чересчур классические. Никакие кружевные занавески не могли заставить их выглядеть чуть–чуть поприятнее. Это были не те окна, из которых смотрят на улицу, а те, в которые заглядывают случайные прохожие Филифьонке они совершенно не нравились.

Филифьонка решила привести в порядок стеганные половички, но в доме не оказалось стеганых половичков. Мебель тоже навевала печаль: стулья не вставали вплотную к столу, диван робко жался к стене, а тени вокруг ламп которые были похожи на вспышки в темном лесу, довершали картину. Филифьонку в доме радовали лишь ее безделушки: маленькие зеркала, фотографии в вельветовых рамках, маленькие раковины, правила хорошего тона, вышитые серебром на шелке, очень маленькие вазы и крошечный, похожий на мюмлу, заварной чайник – все те предметы, которые делают жизнь более легкой и менее опасной. Но все ее безделушки потеряли свою красоту и безопасность в унылом доме у моря. Филифьонка перекладывала их со стола в сервант, из серванта на подоконник, но нигде они не смотрелись.

Филифьонка была в отчаянии.

Она стояла у двери и смотрела на свои любимые вещички, но те казались столь же беспомощными, как и она. Тогда Филифьонка пошла на кухню, взяла мыло и щетку из кухонной раковины. Потом она разожгла огонь поставила чайник. Свои лучшие чашечки с золотыми каемками она расставила на блюдечках для пирожных, проворно сдула несколько пылинок и сложила горкой пирожные, чтобы произвести впечатление на Гафсу.

Гафса никогда не пила чай с молоком но Филифьонка все же поставила бабушкину маленькую серебряную молочницу на поднос. Кусковой сахар Филифьонка положила в крошечную плисовую корзинку с драгоценными ручками.

Приготовив поднос для чайника, Филифьонка почувствовала себя совершенно спокойно. Теперь–то она сможет позабыть о стихийных бедствиях.

Жаль, на берегу не растут цветы. Все побережье поросло колючим кустарником, а его цветами не стоило украшать комнату. Тем не менее, Филифьонка поставила на стол вазу с веткой кустарника и подошла к окну посмотреть, не идет ли Гафса. Филифьонка торопливо думала: "Нет, нет. Я не хотела бы увидеть Гафсу. Лучше, Чтоб она позвонила в дверь неожиданно, тогда я побегу и открою дверь, и мы обе будем ужасно рады встрече, а потом поболтаем, посплетничаем... Если я увижу ее на берегу, то подумаю, как ей одиноко идти к моему домику. И еще, я могу увидеть крохотное пятнышко. Мне, оно наверняка не понравится. Оно будет расти, расти... А еще хуже, если маленькое пятнышко уменьшится. Значит оно пойдет другим путем..."

Дрожа, Филифьонка пристально всматривалась. "Что–то надвигается, – думала она. – Я должна поговорить об этом с Гафсой. Она, конечно, не та, с кем бы я хотела поболтать обо всем..."

В дверь постучали. Филифьонка бросилась через комнату, забормотав на бегу. – Эта великолепная погода! – почти кричала она, – Ты посмотри на море, какое оно сегодня синее, не голубое как вчера, а синее. Как дружелюбно оно выглядит: никакой ряби! Как хорошо. Ты выглядишь такой сияющей, думаю ты... Но не все же тут похоже на море... Оно – сердце природы, ведь так?

"Она сконфузилась сильнее, чем обычно", – подумала Гафса, снимая перчатки и протяжно заметила:

– Точно. У вас все в порядке, миссис Филифьонка?

Они сели за стол. Филифьонка казалась такой счастливой. Она была не одна! И из–за этого Филифьонка лепетала разную бессмыслицу и весь свой чай пролила себе на платье.

Гафса похвалила кусковой сахар и пирожные, но ничего не сказала о цветочной вазе. Гафса была хорошо воспитана. Любой с первого взгляда понял бы: не хорошо украшать чайный столик ветками дикого, колючего кустарника.

Филифьонка замолчала, а Гафсе больше нечего было похвалить. Наступила тишина. Солнце скрылось за облаками, и чайный столик внезапно стал серым. Большие окна затянулись пеленой серых облаков, и дамы услышали первые завывания ветра. Звуки казались слабыми, отдаленными, но они уже заглушали шёпот.

– Я вижу, вы недавно постирали ковер, – очень культурно заметила Гафса.

– Да. Коврам необходима морская вода, – отозвалась Филифьонка, Ковры не линяют, к тому же теперь он так мило пахнет.

"Я должна все рассказать Гафсе, – решила Филифьонка, Мне нужно с кем–то поговорить о моих страхах, с тем, кто может ответить мне: "Ах, конечно. Я великолепно понимаю о чем идет речь". – "В самом деле.

разве на земле существует что–то страшное? Сегодня великолепный летний день". – Пирожные сделаны по рецепту моей бабушки, – начала Филифьонка, а потом наклонившись вперед, через стол прошептала: – Сегодня неестественная погода. Все говорит: должно случиться что–то ужасное. Дорогая Гафса, поверьте мне, мы так малы и незначительны, словно вещи: пирожные, ковры... все то, чем мы пользуемся. Нам кажется, что все не так страшно, но в самом деле над нами нависла огромная опасность...

– Ох! – только и сказала Гафса, чувствуя себя крайне неловко.

– Да, угроза, – продолжала Филифьонка на одном дыхании. – Никто не может сказать ничего определенного, никто ничего не может доказать, и никто не хочет об этом говорить. Иногда через заднее окошко мне видно, как далеко–далеко над дорогой появляется черное облачко. А другой раз оно появляется над морем. Растет и растет, но пока не высовывается, Гафса, ты ощущаешь это? Скажи, что ты об этом думаешь? Пожалуйста!

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Гафса сильно покраснела. Она молчала, крутила в руках кусочек сахара и жалела, что пришла.

– В это время года случаются внезапные бури, – осторожно произнесла она. Филифьонка разочарованно замолчала.

Гафса немного выждала, а потом чуть раздраженно продолжила:

– В пятницу я устроила стирку и, поверьте мне, совершенно внезапно налетел ветер, а потом я обнаружила мою наволочку на заборе. А чем вы пользуетесь, когда стираете свое белье, миссис Филифьонка?

– Не помню, – ответила Филифьонка, внезапно заскучав. Ей стало совершенно ясно: Гафса ее не понимала.

– Может еще чаю?

– Благодарю, – ответила Гафса. – Мы мило побеседовали. Жаль, что все хорошее так быстро кончается. Боюсь, мне надо идти.

– Да, – кивнула Филифьонка. – Я вижу.

На море опускалась темнота. Прибой что-то сам себе нашепывал. Но еще было рано зажигать лампы, полутьма казалась приятной.

Тонкий нос Гафсы наморщился больше обычного. Пауза затянулась.

"Как мучительно такое молчание", – думала Гафса, сжимая свою сумочку. Тихо поддвигал легкий юго-западный ветерок.

– Ты сказала о ветре, – внезапно начала Филифьонка. – Ветре, который унес твою наволочку. Дорогая Гафса, а я говорила тебе о циклонах. О тайфунах, торнадо, смерчах, песчаных бурях... Наводнениях, которые смывают дома. А больше всего я говорила о себе и своих страхах. Хотя, подозреваю, они не обоснованны. Я уверена, случится что-то ужасное. Все время думаю об этом. Даже когда стирала ковер, эти мысли не покидали меня. Ты понимаешь? Ты что-нибудь чувствуешь?

– У вас есть уксус? – спросила Гафса уставившись в свою чашечку. – Шерсть не линяет, если в воду при стирке добавлять немного уксуса.

Вот тогда Филифьонка разозлилась, хотя такое случалось с ней очень редко. Она почувствовала, что Гафса так или иначе пытается увильнуть, и заговорила о первом, что пришло ей на ум. Она ткнула трясущимся пальцем в ужасную маленькую веточку в вазе на столе и воскликнула:

– Посмотри! Разве это не мило? Лучшая вещь, которую я нашла, чтобы украсить чайный столик.

Гафсе очень захотелось смыться, поэтому она поднялась и сказала:

– Не заговаривайтесь. Ветка огромная, колючая и безвкусная. И выглядит она вызывающе, ей вообще не место на чайном столике.

Потом дамы попрощались, и Филифьонка закрыла за Гафсой дверь.

Филифьонка чувствовала себя несчастной. Колючая ветка стояла на столе, и внезапно Филифьонке показалось, что цветы не подходят к обстановке. К этой обстановке вообще ничего не подходит!

Филифьонка переставила вазу на подоконник.

Море изменилось. Оно стало серым, волны показывали белые зубы, набрасываясь на берег. На небе разгорелось красноватое зарево.

Филифьонка долго простояла у окна, вслушиваясь в свист ветра.

Потом она по телефону позвонила Гафсе.

– Что случилось, миссис Филифьонка? – осторожно спросила та.

– Ты благополучно добралась до дому?

– Да, все в порядке, – ответила Гафса. – Немного ветрено. – Некоторое время она помолчала, а потом дружелюбно добавила: – Миссис

Филифьонка, вы рассказывали такие страшные вещи. Вы не испытали на себе ужас стихийных бедствий?

– Нет, – сказала Филифьонка.

– Но что-то все-таки было?

– Нет, в самом деле, – пробормотала Филифьонка. – Я лишь предчувствую... – Да, – протянула Гафса, – Благодарю вас, визит к вам оказался мне таким трогательным. А с вами все в порядке?

– Нет, не уверена, – отозвалась Филифьонка. – Я надеюсь, мы теперь станем чаще видеться?

– Я тоже так думаю, – согласилась Гафса я повесила трубку.

Потом Филифьонка долго сидела и смотрела на телефонный аппарат. Внезапно она почувствовала, что замерзла.

"За окнами темно, – подумала она. – Я могу занавесить окна одеялами, а зеркала поверну к стене". Но делать ничего не стала. Она сидела и слушала как ветер, словно маленький бездомный зверек, завывает в дымоходе.

Дом слегка подрагивал. Ветер становился все сильнее. На море поднимался шторм. С крыши соскользнула плитка черепицы и с грохотом ударилась о землю. Филифьонка торопливо перебралась в спальню. Но спальня была такой большой, что Филифьонка и здесь не чувствовала себя в безопасности. Она задыхалась. Она ведь такая маленькая, беззащитная...

Сдернув с кровати одеяло, Филифьонка отправилась по коридору, ведущему на кухню, ногой открыла дверь кладовки и прикрыла ее за собой. Отсюда шторм казался тише. В кладовке не было окон, только маленькое вентиляционное отверстие.

В темноте Филифьонка пробралась за мешки с картошкой и постелила одеяло у шкафа с банками джема.

Ее воображение рисовало картины шторма: некто черный и дикий тряс ее дом. Белыми драконами разрастались трещины в стенах. Из моря поднялся ревущий торнадо, подобный черной колонне и направился прямо к ней. Ближе и ближе... Такие бури ее собственного изготовления были хуже всего. В глубине души Филифьонка даже немного гордилась придуманной ею бурей.

"Гафса еще девочка, – решила Филифьонка. – Глупая девчонка с пирожными и наволочками в голове. Они ничего не понимают в цветах. Сидит сейчас у себя дома и думает, что я ничего такого не испытала на себе. Я – та, кто каждый день видит гибель мира. Каждый день! Но спокойно живет, ест, моет посуду и принимает гостей. Так, словно ничего не случилось".

Филифьонка высунула нос из-под одеяла, сурово посмотрела в темноту и заявила: – Я вас насквозь всех вижу.

Ничего не произошло. Шторм не утихал. Тогда Филифьонка нырнула под одеяло и заткнула уши руками.

А буря все шумела и шумела. Ветер мчался со скоростью сорока семи ярдов в секунду (хотя вряд ли кто-то в такую бурю измерял скорость ветра).

В два часа ночи снесло трубу. Она сломалась у основания и, проломив крышу, упала на кухонную плиту. Теперь через дыру в потолке виднелось темное, ночное небо, большие несущиеся облака, А потом ветер обнаружил эту лазейку и, разметав золу, сдернул занавески и скатерть. Фотографии тетушек и дядюшек Филифьонки закружились по воздуху. Все безделушки пришли в движение, застучали, зазвенели, ударяясь друг о дружку. Двери захлопали, картина упала на пол.

Наконец, в замешательстве появилась разгневанная Филифьонка. "Сбылось. Пришел конец. Все кончено. Я больше не могу ждать".

Она хотела было позвонить Гафсе и рассказать ей... рассказать ей кое-что и в самом деле ужасное. Холодно и торжествующе.

Но ветер уже оборвал телефонные провода.

Филифьонка слышала лишь грохот сыпавшейся с крыши черепицы. "Если я поднимусь на чердак, меня сдует вместе с крышей, – рассуждала Филифьонка. – Если спущусь в подвал, меня засыплет обломками. Но что-то предпринять необходимо".

Окно распахнулось, и мелкие осколки стекла посыпались на пол. Дождь залил мебель красноватого дерева, гипсовый хемуль свалился со своего пьедестала и рассыпался на куски. С отвратительным грохотом на пол упала огромная люстра. Она принадлежала дяде Филифьонки. Все вокруг стонало и трещало. Потом Филифьонка увидела в осколке зеркала свое бледное лицо. Не задумываясь, она подбежала к окну и выпрыгнула наружу...

Филифьонка обнаружила, что сидит на песке. По лицу ее били теплые дождевые капли, а платье развевалось, словно парус.

Филифьонка крепко зажмурила глаза, понимая, что совершенно необязательно находиться в самом центре жуткой опасности.

Ветер завыл сильно и беспокойно. Все тревоги исчезли. Опасность скрывалась внутри дома, а не снаружи.

Филифьонка осторожно вздохнула, вдыхая запах морских водорослей и открыла глаза. На улице было светлее, чем в доме.

Она увидела разрушения. Дом белым пятном возвышался у нее за спиной на расстоянии вытянутой руки. Он словно скользил сквозь проносящуюся мимо над песчаными дюнами ночь.

"Никогда раньше я не выходила ночью на улицу, – подумала Филифьонка. – Если бы моя мама узнала..."

Филифьонка поползла против ветра вниз к берегу, чтобы оказаться как можно дальше от дома. Ей почудилось, что море стало теперь сине – белым. С грохотом на берег обрушивались волны, и водяная пыль, словно дым, вилась над побережьем. Этот дым на вкус оказался соленым.

Позади, в доме что-то затрещало, но Филифьонка даже головы не повернула. Она спряталась за большим камнем и, широко раскрыв глаза, смотрела во тьму. Ей не было холодно. И странная вещь – внезапно она поняла: она же совершенно спокойна! Очень странное чувство, но Филифьонка решила, что это даже здорово. Что же раньше ее беспокоило? Стихийные бедствия?

К утру буря должна была бы утихнуть. Филифьонка твердо уверовала в это. Она сидела, глубоко задумавшись о себе и стихийных бедствиях, о своей мебели. Она пыталась представить, что же там случилось в доме. Вроде, кроме печной трубы ничего и не сломалось. Филифьонка чувствовала: в ее жизни никогда не происходило ничего более важного. Буря вывела ее из равновесия, перевернула все шиворот-навыворот. Но Филифьонка не знала, что это еще не конец.

"Интересно, все ли вещи сломаны, вымазаны золой, покорежились или потрескались? Придется сесть и чинить их, неделя за неделей: склеивать, латать и высматривать потерянные кусочки..."

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Омытый, отутюженный, красочный и вызывающий чувство сожаления берег. "Раньше, он, кажется, был лучше... Нет, нет. Только не назад в темные, холодные комнаты, только не надо снова пытаться их сделать уютными..."

– Нет! Не хочу! – закричала Филифьонка, поднявшись на дрожащих ногах. "Если я все буду делать как раньше, тогда все и останется как раньше. Я боюсь... боюсь снова почувствовать надвигающуюся опасность. Ко мне опять станут подкрадываться тайфуны и торнадо".

В первый раз Филифьонка оглянулась и посмотрела на дом хемуля. Дом выглядел как и раньше, но теперь он был наполнен сломанными вещами, и они ждали, что Филифьонка вернется и позаботится о них.

Не без сожаления покинет Филифьонка реликвии своих предков...

– Мама всегда напоминала мне о долге, – прошептала Филифьонка.

Настало утро.

На востоке цветком распустился рассвет. Последние капли дождя сорвались с неба, но тучи не расходились. Буря спряталась между ними. Несколько раз вдалеке прогремел гром.

Погода казалась неустойчивой. В ней таилось что-то неведомое. Филифьонка не знала, на что же ей решиться.

И тогда она увидела торнадо.

Торнадо ничуть не походил на ее собственное торнадо, которого она представляла сверкающими черными колоннами воды. Этот торнадо был настоящим. Он светился. Вихрь белых облаков, вращающихся по невероятной спирали. Торнадо становился белым как мел, там, где он соприкасался с водой.

Торнадо не ревел и не летел стремительно. Он двигался медленно и спокойно к берегу, слегка покачиваясь из стороны в сторону. Солнце окончательно взошло, и его лучи высунулись на востоке, там, где уже давно не было облаков. Торнадо стал розовым.

Он выглядел невероятно высоким, бесшумно вращался и медленно приближался. Ближе, ближе...

Филифьонка не могла сдвинуться с места. Она спокойно стояла и думала: "О, мое прекрасное, удивительное стихийное бедствие..."

Торнадо выбрался на берег не так далеко от Филифьонки. Белая, величественная колонна прошествовала мимо нее. Подняв песок, колонна обрушилась на крышу дома хемуля. Филифьонка увидела, как все ее наволочки полетели в небо. Матерчатые подносы, фотографии в рамках, чайные салфетки, бабушкин серебряный кувшинчик, правила хорошего тона, вышитые серебром на шелке – такие знакомые вещи – все исчезло в вихре.

И Филифьонка восторженно подумала: "Как чудесно! Что может маленькая Филифьонка сделать против могучих природных сил? Что тут можно поправить и отремонтировать? Ничего! Все смыло, унесло прочь!"

Торнадо начал торжествующе резвиться на полях, и Филифьонка увидела, как он вдруг сузился, сломался и исчез. В нем больше не было нужды.

Филифьонка глубоко вздохнула. "Теперь никогда не стану бояться, – сказала она мысленно. – Теперь я свободна и могу делать что угодно".

Солнце поднялось выше, и Филифьонка отправилась в путь по мокрому песку. Тут-то она и наткнулась на свой ковер. Море разукрасило его водорослями и ракушками. Филифьонка только посмеялась. Она взяла ковер и бросила его в море, чтобы прополоскать.

Большая зеленая волна окатила Филифьонку, когда она шагнула в воду вслед за ковром, а прибой, шипя белой пеной, стал качать ее: вверх- вниз, вверх- вниз. Волны кружились вокруг нее, прозрачные и зеленые. Филифьонка вынырнула, отдышалась. Посмотрев на солнце, она что-то быстро пробормотала. Щебеча, пританцовывая, она выбралась из воды и вытащила ковер. Ни разу в жизни она не была так счастлива.

Гафса услышала крики, но прошло несколько минут, прежде чем она увидела Филифьонку.

– Как ужасно! – воскликнула Гафса. – Бедная маленькая Филифьонка!

– С добрым утром! – ответила Филифьонка. – Как спалось?

– Я сама не своя! – воскликнула Гафса. – Что за ночь! Я все время думала о вас. Я сама видела! Видела как оно появилось! Стихийное бедствие!

– Ты так считаешь? – невинно спросила Филифьонка.

– Как вы были правы, как правы, – продолжала Гафса. – Вы говорили: "Скоро что-то случится!" Вы просто чудо! А ваш прекрасный дом? Я всю ночь пыталась вам дозвониться. Я так беспокоилась, но на линии была поломка.

– Похоже на тебя, – фыркнула Филифьонка и принялась выжимать ковер. Но на самом деле это не имеет никакого значения. Если и стоит беспокоиться, так только о том, что в морской воде нет уксуса, и ковер может полинять.

Филифьонка села на песок и громко рассмеялась.